

ГОГОЛЕВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1-82

DOI 10.37386/2305-4077-2026-2-6-18

© Ю. В. Балакшина¹

*Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)*

«ВАМ ВЕРНО СТРАННЫМИ ПОКАЗАЛИСЬ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НАШЕЙ ВСТРЕЧИ»: ТЕМА ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В ЦИКЛЕ «АРАБЕСКИ» Н. В. ГОГОЛЯ

В статье рассматривается вопрос о теме и поэтике обстоятельств в творчестве Н. В. Гоголя. Если романтики толковали влияние обстоятельств как проявление сверхличных сил в жизни человека, то писатели «натуральной школы» видят в этом влияние действительности, среды. Особое отношение Гоголя к данной теме подтверждается обращением к его автодокументальным текстам: письмам, предисловиям сборников, <Авторской исповеди>.

Основное внимание мы уделяем теме обстоятельств в повестях, в исторических и историософских статьях сборника «Арабески» (1835). Предметом анализа становятся и по-разному влияющие биографические, исторические и художественные обстоятельства, и внутренний конфликт между величием провиденциального исторического замысла и частной судьбой «маленького человека». Гоголь видит два выхода из этого противоречия: 1) путь из истории в вечность (аскеза и монашеский подвиг) и 2) деятельное участие в истории, открытое художнику. Его путь к победе над порабащивающей силой обстоятельств обусловлен верностью своему личностному дару, что даёт свободу, позволяя не быть для истории «маленьким человеком», подверженным внешним случайностям, а являть «свободный дух человека», синергично взаимодействующий с «таинственными путями Промысла». На этом основании мы приходим к выводу, что наряду с «негативной антропологией» Гоголь ищет возможности для выстраивания антропологии «позитивной».

Ключевые слова: цикл «Арабески», его историософская концепция, тема и поэтика обстоятельств, художественная антропология

¹ Юлия Валентиновна Балакшина – доктор филологических наук, доцент теологии, профессор кафедры русской литературы РГПУ имени А. И. Герцена и Свято-Филаретовского института. ORCID: 0000-0002-4187-1633. E-mail: jbalaksh9@gmail.com.

Julia V. Balakshina

Herzen State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)

**«THE CIRCUMSTANCES OF OUR MEETING
MUST HAVE SEEMED STRANGE TO YOU»:
THE THEME OF CIRCUMSTANCES IN NIKOLAI
GOGOL'S CYCLE «ARABESQUES»**

The article discusses the issue of the theme and poetics of circumstances in Nikolai Gogol's prose. The writer's particular attention on the topic of circumstances is evidenced in auto-documentary texts: prefaces, letters, <Author's confession>. While for Romantics, circumstances manifest superpersonal forces in human life, for the "Natural School", they are shaped by reality and the environment. The focus of the article is on the topic of circumstances in the short story collection *Arabesques* (1835). The article examines both fiction stories included in the book, as well as historical and historiosophical articles. The subject of the analysis is biographical, historical and artistic circumstances that are variously manifested in different texts of the *Arabesques*, and the internal conflict between the grandeur historical plan and the private fate of a "little man"; Gogol sees two ways out of this contradiction: the way out of history into eternity (the path of asceticism and monastic feat) and the way of active participation in history, open to the artist. The way overcoming circumstances lies in loyalty to one's personal vocation, which gives a person freedom, allowing him to be in history not a silent chip, but a manifestation of the "free spirit of man", acting synergistically with the mysterious ways of Providence. It is concluded that along with "negative anthropology" Gogol seeks to construct a "positive" anthropology.

Keywords: the cycle "Arabesques", Gogol's historiosophical concept, theme and poetics of circumstances, artistic anthropology

Введение

В предисловии к идиллии в картинах «Ганц Кюхельгартен», изданной в 1829 г. Николаем Гоголем, сообщалось: «Предлагаемое сочинение никогда бы не увидело света, если бы обстоятельства, важные для одного только Автора, не побуждали его к тому» [Гоголь, ПССиП, т. 1, с. 26]². Тема загадочных обстоятельств, влиявших на творчество, но сокрытых от читателей, повторяется и в предисловии к сборнику «Арабески» 1835 г. Объясняя причину, почему в тексте можно

² Произведения Н. В. Гоголя цитируются по изданию ПССиП 2001 и 2009 г. Далее при цитировании номер тома и страницы указываются в круглых скобках после цитаты. Письма и статьи цитируются по изданию ПСС 1937–1952 гг., эта аббревиатура указывается перед томом и страницей.

обнаружить «неисправности в слоге, излишности и пропуски», автор отмечает, что «недосуг и обстоятельства, иногда не очень приятные, не позволяли мне пересматривать спокойно и внимательно свои рукописи...» (т. 3, с. 7). Комментаторы 3-го тома ПССиП оставили эту фразу без пояснений, но при общей оценке предисловия они склоняются к тому, что здесь Гоголь отказался от «традиции мистифицирующих предисловий В. Скотта», и допускают некий «завуалированный исповедальный момент» (т. 3, с. 502–503), который вызвал иронический отклик О. И. Сенковского, а впоследствии определил тональность «Выбранных мест из переписки с друзьями».

В 1848 г., подводя итоги жизненного и творческого пути в тексте (при публикации в 1855 г. он был озаглавлен С. П. Шевыревым <Авторская исповедь>), Гоголь неоднократно обращается к теме разного рода обстоятельств, действовавших в его жизни. Излагая историю своего душевного и творческого перелома, писатель настаивает, что «к исследованию общих законов души» его приводили «собственные душевные обстоятельства, наконец, обстоятельства внешние, над которыми мы не властны и которые всякой раз обращали меня противовольно вновь к тому же предмету, как только я от него отдалялся» (т. 8, с. 445). Так, покинуть Россию его подвигли «обстоятельства здоровья» (т. 8, с. 450–451). Обстоятельства выступают чем-то таинственным, неизъяснимым и явно противоречащим личной воле автора: «Зачем, наконец, были такие обстоятельства, о которых я не могу даже сказать, но которые заставляли меня, против воли моей собственной, входить глубже в душу человека?» (т. 8, с. 454). Появляется и тема борьбы с обстоятельствами: «Я старался действовать наперекор обстоятельствам и этому порядку, не от меня начертанному» (т. 8, с. 454). И, наконец, возникает тема обстоятельств как аргументов на суде, которые должны принять в расчет судьи-читатели: «...должны по крайней <мере> рассмотреть поближе всё это дело и не пропустить всех тех обстоятельств, которых не пропускает никакой судья, если только произносит над кем-либо суд свой» (т. 8, с. 458).

Очевидное внимание Гоголя к теме обстоятельств имело не только мировоззренческий, но и эстетический смысл. В эпоху романтизма, под сенью которого он вступал в литературу, авторы склонны были видеть в «странном стечении обстоятельств» действие метафизических, таинственных сил, тогда как в 1840-е годы писатели «натуральной школы» заговорили о «тесных обстоятельствах», «пошлых обстоятельствах», под чьим именем управляет человеком социальная действительность. Так, например, в повести «Противоречия», опубликованной в № 11 журнала «Отечественные записки» за 1847 г., начинающий писатель

М. Е. Салтыков рассуждал: «Всеми нами управляют обстоятельства, все мы не что иное, как послушные и покорные рабы необходимости, и поэтому величайший герой делается трусом в таких обстоятельствах, где трус делается величайшим героем: всё зависит от характера самого обстоятельства, от развитости человека, от положения его в обществе» [Салтыков-Щедрин, 1965, с. 133].

Слово «обстоятельства» в начале XIX в. употреблялось в трех, как минимум, значениях: 1) это «событие, факт, относящиеся к чему-либо, связанные с чем-либо; та или иная сторона дела, события»; 2) «...условия, определяющие положение, состояние кого-, чего-либо или обстановку, при которой что-либо происходит»; 3) «...второстепенный член предложения, указывающий время, место, образ действия и т.п.» [Словарь, 2006, с. 92–93]. Наиболее репрезентативным для гоголевского текста оказывается второе из указанных значений.

Таким образом, тема обстоятельств в прозе Н. В. Гоголя заслуживает отдельного исследования. Мы сделали попытку проследить развитие этой темы в цикле «Арабески», где большая часть произведений была создана в 1834 г.

Биографические обстоятельства

Ссылка на обстоятельства в предисловии к «Арабескам», в первую очередь, может быть интерпретирована с точки зрения биографии Гоголя. Так, в письмах 1834 г. он склонен воспринимать некоторые обстоятельства как роковые проявления *судьбы*³, которая от него как будто отворачивается. «Мне кажется, что судьба больше ничего не делает с нами, как только подтирается, когда ходит в нужник», – пишет он М. П. Погодину 11 января 1834 г. (ПСС, т. 10, 1940, с. 292). Вместе с тем, «Обстоятельствами» в то время писатель чаще всего называет и денежные затруднения, и сложную ситуацию по службе. В мае-июне в письмах к М. А. Максимовичу он описывает ему самому непонятную ситуацию, возникшую в связи с задержками при получении места профессора кафедры всеобщей истории в Киевском университете: «Мои обстоятельства очень странны: С<ергей> С<еменович> <Уваров>⁴ дает мне экстраординарного профессора и деньги на подъем, но однако ж ничего этого не выпускает из рук и держит меня, не знаю для чего, здесь, тогда как мне нужно действовать и ехать» (ПСС, т. 10, 1940, с. 318). 8 июня Гоголь снова жалуется Максимовичу на обстоятельства:

³ Здесь и далее курсив наш. – Ю.Б.

⁴ С. С. Уваров 21 марта 1833 г. был назначен министром народного просвещения.

«Что же касается до моих обстоятельств, то я сам, хоть убей, не могу понять их» (ПСС, т. 10, 1940, с. 322). Попечитель Киевского учебного округа Е. Ф. Брадке, будто бы обещавший Гоголю место на кафедре всеобщей истории, отдает эту должность В. Ф. Цыху, а Гоголю предлагает место на кафедре русской истории: «Давши слово Жуковскому ожидать меня далее целый год и не отдавать никому кафедры всеобщей истории, и через месяц отдать ее Цыху. Это досадно, право, досадно! Ты видишь, что сама судьба вооружается, чтобы я ехал в Киев» (ПСС, т. 10, 1940, с. 292). Позднее, в письме к Максимовичу от 14 августа 1834 г., Гоголь объясняет свое решение не покидать Петербурга в ближайший год финансовыми проблемами: «...Поживя здесь, я буду иметь возможность выпутаться из своих денежных обстоятельств» (ПСС, т. 10, 1940, с. 337).

Ю. В. Манн, объясняя медлительность Уварова и пружины интриги, не позволившей Гоголю попасть в Киев, так объясняет обстоятельства, определившие исход ситуации: «Гоголь и сам прекрасно понимал, в чем невыгодность его положения, и пытался исправить дело. Эта невыгодность вытекала из конкретных обстоятельств, обуславливалась, как ни странно, его литературными достижениями» [Манн, 2004, с. 307]. В данном случае обстоятельства – не внешняя по отношению к автору сила или неведомые ему соображения сильных мира сего, а плод его собственной писательской деятельности, выбор поприща писателя как главного в своей жизни.

О том, что обстоятельства в немалой степени зависят от инициативы самого человека, говорит и тот факт, что 10 июня, в то время как Гоголь писал Максимовичу жалобные письма о непонятных обстоятельствах, отдаляющих его от кафедры в Киевском университете, на столе у попечителя Санкт-Петербургского учебного округа князя М. А. Дондукова-Корсакова уже лежало его прошение о назначении на кафедру всеобщей истории в Санкт-Петербургский университет [Виноградов, 2011, с. 741].

Таким образом, слово «обстоятельства» для Гоголя в период создания «Арабесок» могло означать и ситуацию, как она есть, и действие каких-то внешних сил, и сложное сочетание внеличных законов, внешних условий и собственной инициативы субъекта.

Характерен в этом отношении пассаж в письме Гоголя матери от 6 ноября 1834 г. В ответ на вопрос, получил ли он повышение в чине при назначении на должность профессора в Петербургский университет, Гоголь сообщает, что остается все тем же «коллежским ассессором и ничего более», однако старается

убедить мать, что и сам не имеет заинтересованности в повышении по службе, так как «существенной выгоды для себя» в этом не видит: «Если бы я имел какую-нибудь (выгоду. – Ю.Б.), я, верно бы, не упустил этим воспользоваться; я не так глуп, чтобы пренебречь этим. Но мои обстоятельства и мое положение таково... Но мне нельзя этого растолковать вам. Мы можем не понять друг друга и будем только переводить напрасно бумагу...» (ПСС, т. 10, 1940, с. 343). «Обстоятельства», вероятно, маскирующие здесь задетую амбицию Гоголя-чиновника, превращаются в некую сложную и таинственную жизненную конструкцию, то ли призванную мистифицировать адресата, то ли изумляющую самого автора до того, что он умолкает перед необходимостью словесно выразить их и скрывается за выразительным многоточием.

Исторические обстоятельства

Однако биографическим контекстом «обстоятельств», связанных с жалобами обиженного по службе и находящегося в затруднительном финансовом положении чиновника, вряд ли можно объяснить появление этого слова в предисловии к сборнику, претендующему на прикосновение к загадкам мировой истории, к тайнам «мирового духа». В данном случае позиция Гоголя-историка, который размышляет обо всей истории человечества, противоречит положению скромного чиновника, лишь начинающего карьеру и пока не способного легко преодолевать жизненные затруднения⁵.

Гоголь-историк в «Арабесках» мыслит глобальными категориями всемирной истории. С его точки зрения, есть географические обстоятельства, которые влияют на целые нации, придавая им особенный характер или меняя ход исторических событий: «...могучее положение земли дало одному народу всю деятельность жизни, между тем как другой осудило на неподвижность» (т. 3, с. 34). В статье «О Средних веках» автор перечисляет обстоятельства, которые повлияли на историю Европы. Среди них он выделяет факторы религиозные (наличие папы), сверхъестественные (колоссальные завоевания монголов), духовные (возвышенная любовь к женщине, рыцарство). Во всех исторических статьях сборника Гоголь оперирует категориями *народов, наций, континентов* и как будто намеренно резко меняет фокус изображения, переходя к повестям.

К. К. Джафарова объясняет появление сборника «Арабески» контекстом журнальных споров о природе исторического процесса, в которых приняли участие

⁵ О самосознании Гоголя – писателя и историка в середине 1830-х гг. см.: [Денисов, 2018, с. 159–173].

Н. А. Полевой, М. П. Погодин, В. Ф. Одоевский, А. С. Пушкин и др. [Джафарова, 2007, с. 17–22]. В центре спора оказался вопрос о соотношении в истории закономерного («общего хода вещей») и случайного. Гоголь, готовившийся в это время к преподаванию всеобщей истории, близко общавшийся с Пушкиным, когда тот писал «Историю Пугачева», не мог не ставить перед собой вопросов о том, какой концепции истории он придерживается и на какое место в истории он сам может претендовать. Его, несомненно, тревожил контраст между величием его научных и творческих замыслов и реальным местом в иерархии российского общества, какое он занимал. Коллежский асессор Гоголь пока воспринимался образованными современниками как мелкий чиновник, сомнительный ученый, начинающий писатель – фигура, чей исторический вес стремится к нулю. В контексте этого мотив непреодолимых обстоятельств, возникающий в предисловии, оказывается своего рода эпитафией к судьбам Пискарева, Поприщина, Пирогова и ключом к одному из центральных вопросов цикла: каков смысл существования «маленького человека» в масштабах мировой истории? [Джафарова, 2004, с. 10].

Герои повестей не только не причастны *большой* истории, но и практически лишены истории *личной*. Показательно, что у «Черткова и Пискарева нет “предыстории”, нет естественного предшествующего пути (важнейших вех жизни героя-художника), и даже происхождение их неопределенно» [Денисов, 2011, с. 235]. А Поприщин, возмечтавший об историческом поприще испанского короля, оказывается сумасшедшим самозванцем, лишь в последний момент вспоминающим о своей реальной родине, о матушке и русских избах.

В «Арабесках», безусловно, возникают переклички между историческими статьями и повестями, но по преимуществу это имеет травестирующий характер. Так, «клочки», в которые средневековые «европейские дикари» превращают римское просвещение, римские формы и законы, из статьи «О Средних веках» (т. 3, с. 15), перекликаются с «клочками» записок Поприщина. Фамилии немецких историков в названии статьи «Шлецер, Миллер и Гердер» комично рифмуются в повести «Невский проспект» с немецкими ремесленниками Шиллером и Гофманом, узурпировавшими фамилии немецких романтиков (причем из наследия всем известного Шиллера упоминаются здесь именно исторические сочинения: это «не тот Шиллер, который написал Вильгельма Теля и историю Тридцатилетней войны...», т. 3, с. 148). На основании этого можно предположить, что как история каждого государства не является «кучей происшествий без порядка» (т. 3, с. 33), а вписана в план всеобщей истории, так и частная история героев «Арабесок» становится частью общего замысла автора. Но замысел этот явно нуждается в реконструкции...

Художественные обстоятельства

Ю. В. Манн обращает внимание на те сложные стратегии самопрезентации, которые писатель пробует в 1830-е годы. Так, добиваясь кафедры в университете, «Гоголь позаботился о том, чтобы изменить в общественном сознании... облик», возникший после публикации «Вечеров», и сформировать образ «многолетнего и самоотверженного труженика науки», способного на «длительный, упорный, усидчивый труд» [Манн, 2004, с. 308]. В контексте освоения новых граней «образа автора» упоминание «недосуга и обстоятельств», помешавших качественно завершить работу над книгой, могло работать на создание облика «писателя-дилетанта», что вполне сочеталось с «многолетним тружеником науки», на время отрывающимся от своего научного труда для литературных забав. Стратегия «дилетанта», по мнению В. С. Киселева, позволяла избегать «обязательств, накладываемых позицией высокого поэта», и обретать «свободу инициативы, свободу индивидуальных “ошибок”» [Киселев, 2000, с. 22].

Возможное объяснение появления «недосуга и обстоятельств» в конце предисловия может быть также связано с жанром и темой арабесок, общим романтическим замыслом цикла. Причудливость узора арабесок, как известно, не лишена целостности и своего рода логики, внутреннего ритма. Сложному, многообразному, прихотливому узору, отражающему естественный рост самой жизни, противопоставляется *прямая* Невского проспекта. По наблюдению ученого, «Невский проспект осуществляет ту самую цель, которую ставил Гоголь перед всемирной историей, – соединить всех “в одно стройное целое”» [Манн, 2004, с. 331]. В завитке обстоятельств, который мелькает в предисловии к «Арабескам», можно разглядеть сочетание общей цельной и стройной концепции мирового бытия, идущей от немецких философов, и кудряво-прихотливых сюжетов отдельных человеческих судеб, на общем стройном фоне напоминающих завитки украинского барокко⁶.

В числе «художественных обстоятельств», тревоживших Гоголя во время создания «Арабесок», – вопросы о соотношении искусства и ремесла, искусства и действительности. На смену одухотворенным художникам романтической эпохи приходят прагматики, работающие на потребу публике. Как отмечено, «ремесло, “самоуправно” и широко потеснившее искусство, присвоившее его функции, – показатель падения “цивилизации”, ибо служит людям за деньги и

⁶ О проблеме закономерностей и случайностей исторического процесса в произведениях Н. В. Гоголя 1830-х гг. см. также: [Гуминский, 2024, с. 152–157].

само “покупает” их» [Денисов, 2006, с. 170]. Однако и сам Гоголь был вынужден думать не только о вдохновении, но и о том, как «рукопись продать», как уловить читательский запрос и ответить на него. Безоглядное вдохновение романтика и грубость работающего только за деньги ремесленника – это полюса, между которыми Гоголь-художник должен был найти свое место в изменчивом мире. Поэтому в предисловии к «Арабескам» есть и претензия на откровение истины, и напоминание о душе художника как источнике творчества, но в то же время и упоминание не очень приятных обстоятельств, от чего художник отнюдь не свободен.

Преодоление обстоятельств

В статье «О преподавании всеобщей истории» Гоголь так формулирует ее цель: «Показать весь этот великий процесс, который выдержал свободный дух человека кровавыми трудами, борясь от самой колыбели с невежеством, природой и исполинскими препятствиями...» (т. 3, с. 33). Если под «исполинскими препятствиями» понимать контекстуальный синоним «обстоятельств», можно констатировать, что герои повестей «Арабесок» не имеют силы духа, необходимой для победы над обстоятельствами. В страшных страданиях умирает художник Чертков, не победив искушение богатством; перерезает себе горло художник Пискарев, раздавленный обстоятельствами, в которых встретил «небесное создание»; сходит с ума Поприщин, запертый в клетку «титularного советника».

Экзистенциальная тревога Гоголя о том, что происходит с его современниками, позже в «Выбранных местах из переписки с друзьями» отойдет в чеканную формулу: «Дрянь и тряпка стал всяк человек; обратил сам себя в подлое подножье всего и в раба самых пустейших и мелких обстоятельств, и нет теперь нигде свободы в ее истинном смысле» (т. 8, с. 341). Уже в повести «Портрет» говорилось о том, что «дробь и мелочь», обитающая в Коломне, вынуждена «часто делать экстренные займы, чтобы выпутаться из своих обстоятельств» (т. 3, с. 68–69), в результате чего эти маленькие люди оказывается во власти ростовщиков-«капиталистов», а под видом одного из них приходит в мир Антихрист.

Есть ли шанс у Пискаревых, Поприциных, «Гоголей-Яновских» вырваться из-под власти обстоятельств, не выплачивать бесконечный долг адскому «черному духу»? Один из путей – путь покаяния, поста, молитвы, уединенной монастырской жизни – предложен во второй части повести «Портрет». Но пафос многих статей «Арабесок» как раз в том, что человеческий дух должен активно действовать в истории, творить ее, а не прятаться за монастырскими стенами.

Для Гоголя в 1835 г. существует иной путь победы над обстоятельствами – это путь художника, обладающего способностью не только копировать, но и пересоздавать мир. Именно воображение художника Пискарева превращает проститутку в Перуджинову Бианку, а потом в таинственную красавицу на балу. Фраза незнакомки: «Вам верно странными показались обстоятельства нашей встречи» (т. 3, с. 139), – по сути, плод воображения Пискарева, который при помощи того же инструмента создает для красавицы совсем другие обстоятельства. Титулярный советник Поприщин в повести «Клочки из записок сумасшедшего» в творческом порыве пересоздания реальности становится графом, генералом, тайнозрителем, ведающим язык животных, испанским королем и т.д.

Гоголь же, как отметил В. М. Маркович, играет словесными масками, голосами, точками зрения, сопрягает стихии бытового сознания с формами художественной литературы – и обретает «поразительную стилистическую свободу», что позволяет ему прорваться к истине, которая «может открыться лишь за пределами “видимости”, за гранью тех иллюзий, которыми человек ослеплен» [Маркович, 1989, с. 52].

В статье «Несколько слов о Пушкине» Гоголь утверждает право Поэта на путь исключительно внутреннего развития, который неизбежно приводит к утрате взаимопонимания между поэтом и читателями: «... Но увы! Это неотразимая истина: что чем более поэт становится поэтом, чем более изображает он чувства, знакомые одним поэтам, тем заметней уменьшается круг обступившей его толпы...» (ПСС и П, т. 3, с. 96). Однако именно этот путь верности себе и формирует национального поэта: «Пушкин есть явление чрезвычайное; и, может быть, единственное явление русского духа» (ПСС и П, т. 3, с. 90). Для Гоголя его пример – свидетельство того, что путь к победе над поработавшей силой обстоятельств лежит в верности своему личностному дару, дающему человеку свободу, позволяющему ему в истории быть не безмолвной щепкой, а проявлением «свободного духа человека», синергично действующего с «таинственными путями Промысла» (ПСС и П, т. 3, с. 33).

Заключение

Анализируя цикл «Арабески», С. А. Гончаров отметил, что Гоголь в своих статьях «намечает позитивные варианты своей антропологии, описывая явления и мистические переживания, демонстрирующие неразрывную связь с бесконечностью божественного, соединение и слияние с которым переживается в экстатическом акте мистической коммуникации» [Гончаров, 1997, с. 99], – тогда как в повестях разворачивает варианты «негативной антропологии». Поддерживая идею

внутренней целостности цикла, скажем, что и у героев повестей есть потенциал вырваться из-под гнетущей силы внешних обстоятельств, познать истинную сущность вещей, силой творческого духа направить ход событий. Не случайно, говоря о встрече Пискарева с красавицей, Гоголь использует евангельский образ «бесценной жемчужины», а на балу она предстанет царицей, открывающей путь в Царство. Однако в «Арабесках» не менее силен и мотив обмана, подмены, призрачности того, что кажется подлинным. Обстоятельства определяются не только силой духа и таланта художника, но и обманчивым светом фонаря, который с легкостью меняет видимость предметов (таков, например, плащ, «то окидывавшийся ярким блеском по мере приближения к свету фонаря, то мгновенно покрывавшийся тьмою по удалении от него», ПСС и П, т. 3, с. 131). Именно этот обманчивый свет лишает мир ясности, не позволяет видеть действие Промысла в судьбах частных людей, мешает ясно и осознанно выстроить свой жизненный путь, а потому: «Далее, ради Бога, далее от фонаря!» (ПСС и П, т. 3, с. 155).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Виноградов, И. А.** Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников: полный систематический свод документальных свидетельств: в 3 т. Т. 1 / И. А. Виноградов. – Москва: ИМЛИ РАН, 2011. – 901 с.
2. **Гоголь, Н. В.** Полное собрание сочинений: в 14 т. / Н. В. Гоголь. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1940–1952.
3. **Гоголь, Н. В.** Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. / Н. В. Гоголь. – Москва: Наследие, 2001–2024 и др.
4. **Гончаров, С. А.** Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте / С. А. Гончаров. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. – 338 с.
5. **Гуминский, В. М.** Жизнь и творчество Н. В. Гоголя в контексте христианской традиции / В. М. Гуминский. – Москва: Индрик, 2024. – 496 с.
6. **Денисов, В. Д.** Мир автора и миры его героев (о раннем творчестве Н. В. Гоголя) / В. Д. Денисов. – Санкт-Петербург: Изд-во РГГМУ, 2006. – 276 с.
7. **Денисов, В. Д.** Петербургский текст Гоголя / В. Д. Денисов. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2018. – 384 с.
8. **Джафарова, К. К.** Проблема единства сборника Н. В. Гоголя «Арабески»: специальность 10.01.01 – Русская литература: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Джафарова Камила Камильевна. – Махачкала, 2004. – 25 с.

9. **Джафарова, К. К.** К вопросу о законах истории в «Арабесках» Н. В. Гоголя / К. К. Джафарова // Вестник Дагестанского гос. ун-та. – 2007. – Вып. 6. – С. 17–22.

10. **Киселев, В. С.** Структура «Арабесок» Н. В. Гоголя и вопросы поэтики русского прозаического цикла 20–30-х гг. XIX в.: специальность 10.01.01 – Русская литература: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Киселев Виталий Сергеевич. – Красноярск, 2000. – 34 с.

11. **Манн, Ю. В.** Гоголь: Труды и дни: 1809–1845 / Ю. В. Манн. – Москва: Аспект-пресс, 2004. – 812 с.

12. **Маркович, В. М.** Петербургские повести Н. В. Гоголя: монография / В. М. Маркович. – Ленинград: Художественная литература, 1989. – 208 с.

13. **Салтыков-Щедрин, М. Е.** Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1 / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Москва: Художественная литература, 1965. – 463 с.

14. **Словарь** русского языка XVIII века. – Вып. 16. Обломить-Онца. – Санкт-Петербург: Наука, 2006. – 278 с.

REFERENCES

1. **Gogol', N. V.** Polnoye sobraniye sochineniy: v 14 t. / N. V. Gogol'. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1940–1952.

2. **Gogol', N. V.** Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: v 23 t. / N. V. Gogol'. – Moskva: Nasledie, 2001–2024 i dr.

3. **Goncharov, S. A.** Tvorchestvo Gogolya v religiozno-misticheskom kontekste / S. A. Goncharov. – Sankt-Peterburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gercena, 1997. – 338 s.

4. **Guminskiy, V. M.** Zhizn' i tvorchestvo N. V. Gogolya v kontekste khristianskoy traditsii / V. M. Guminskiy. – Moskva: Indrik, 2024. – 496 s.

5. **Denisov, V. D.** Mir avtora i miry' ego geroev (o rannem tvorchestve N. V. Gogolya) / V. D. Denisov. – Sankt-Peterburg: Izd-vo RGGMU, 2006. – 276 s.

6. **Denisov, V. D.** Peterburgskiy tekst Gogolya / V. D. Denisov. – Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2018. – 384 s.

7. **Dzhafarova, K. K.** Problema edinstva sbornika N. V. Gogolya «Arabeski»: special'nost' 10.01.01 – Russkaya literatura: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Dzhafarova Kamila Kamil'evna. – Makxachkala, 2004. – 25 s.

8. **Dzhafarova, K. K.** K voprosu o zakonakh istorii v «Arabeskakh» N. V. Gogolya / K. K. Dzhafarova // Vestnik Dagestanskogo gos. un-ta. – 2007. – Vy'p. 6. – S. 17–22.

9. **Kiselev, V. S.** Struktura “Arabesok” N. V. Gogolya i voprosy` poe`tki russkogo prozaicheskogo tsikla 20– 30-x gg. XIX v.: special`nost` 10.01.01 – Russkaya literatura: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Kiselev Vitaliy Sergeevich. – Krasnoyarsk, 2000. – 34 s.

10. **Mann, Yu. V.** Gogol`: Trudy` i dni: 1809–1845 / Yu.V. Mann. – Moskva: Aspekt-press, 2004. – 812 s.

11. **Markovich, V. M.** Peterburgskie povesti N. V. Gogolya: monografiya / V. M. Markovich. – Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1989. – 208 s.

12. **Saltykov-Schedrin, M. E.** Sobraniye sochineniy: v 20 t. T. 1 / M. E. Saltykov-Schedrin. – Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1965. – 463 s.

13. **Slovar` russkogo yazy`ka XVIII veka.** – Vy`p. 16. Oblomit`–Oncza. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2006. – 278 s.

14. **Vinogradov, I. A.** Gogol` v vospominaniyakh, dnevnikakh, perepiske sovremennikov: polnyy sistematicheskiy svod dokumental`ny`kh svidetel`stv: v 3 t. – T. 1 / I. A. Vinogradov. – Moskva: IMLI RAN, 2011. – 901 s.

Статья поступила в редакцию 09.02.2026 г.